

Угрюм-Бурчеев

Угрюм-Бурчеев — персонаж романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города», в прошлом «прохвост» (просторечное искажение слова «профос» — полковой палач, позднее — «парашечник», уборщик нечистот), назначенный глуповским градоначальником за преданность — в доказательство любви к начальнику отрубил себе палец. В значительной мере прототипом его служил фаворит Павла I, а затем и Александра I А. Аракчеев. Выполняя желание Александра создать военные поселения, Аракчеев, как сказано в статье энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, «повел дело круто, с беспощадною последовательностью, не стесняясь ропотом народа... Кроме угождения воле монаршей и исполнения требований службы, он ничем не стеснялся». Воспользовавшись деталями внешности Аракчеева и частично Николая I, сатирик создал гротескный образ «мрачного идиота», столь же гиперболизированный, как и упоминаемый портрет Угрюм-Бурчеева на фоне пустыни, «посреди которой стоит острог; сверху, вместо неба, нависла серая солдатская шинель...». Герой имеет обыкновение спать на голой земле, есть сырое лошадиное мясо, часами маршировать в одиночку, подавая самому себе команды, и т. п. В его фигуре и поступках доведены до крайности «виртуозность прямолинейности», страсть к «нивелляторству» (уравнительности), готовность «взять в руки топор и, помахивая этим орудием творчества направо и налево, неуклонно идти, куда глаза глядят», — черты, существующие в самых разных идеологических обликах отчетливо тоталитаристского свойства — как современных писателю, так и более поздних.

Некоторые картины разрушения старого Глупова при Угрюм-Бурчееве ради возведения нового города, при всей своей фантастичности, кажутся пророческим предупреждением: «От зари до зари люди неумоимо преследовали задачу разрушения собственных жилищ, а на ночь укрывались в устроенных на выгоне бараках... Казалось, что рабочие силы Глупова сделались неистощимыми и что чем более заявляла себя бесстыжесть притязаний, тем растяжимее становилась сумма орудий, подлежащих ее эксплуатации». Однако эта «бесстыжесть притязаний» дает осечку при попытке «мрачного идиота» «унять» реку, озадачившую и оскорбившую его своим вольным течением. По его приказу ее запрудили, породив у него мечты о «своем собственном море» и выгодах, которые оно принесет (неожиданно напоминающие фантазии Порфирия Головлева). Однако река вскоре смыла преграду, и это становится символом конечного поражения всякого произвола над жизнью. Набирает силу и возмущение действиями градоначальника, таящееся в человеческих душах.

История Угрюм-Бурчеева, а с ней и вся книга, завершается грозной картиной «не то ливня, не то смерча», гневно налетевшего на Глупов: «раздался треск, и бывший прохвост моментально исчез, словно растаял в воздухе». Остается загадкой, аллегорическая ли это картина сокрушительного народного бунта или катастрофа, ниспосланная самой природой, которой Угрюм-Бурчеев бросил безрассудный вызов, посягнув на «извечное, нерукотворное». Обращает на себя внимание то, что на звучавшую с напыщенной торжественностью фразу о начале схватки Угрюм-Бурчеева с рекой — «Борьба с природой восприяла начало» — откликается чеканный финал главы, звучащий как апокалипсический итог градоначальнических деяний: «История прекратила течение свое».